

Елена
Арсеньева

Грешные
музы



ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Елена Арсеньева
Красота полудня (Карл
Брюллов – Юлия Самойлова)
Серия «Грешные музы»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161369*

Содержание

Елена Арсеньева	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Елена Арсеньева

Красота полудня (Карл Брюллов – Юлия Самойлова)

– Отныне мы будем вместе всегда, навеки, нераздельно. Вспомнят меня – тотчас вспомнят и тебя. А если зайдет речь о твоих чудачествах и страстях, скажут, что я, твой художник, был предметом одной из них.

– Самой пылкой страсти! Самой невероятной! Самой длительной!

– О, ты... ты лгунья!

– Но я твоя лгунья!

– Моя... Моя самая обворожительная лгунья на свете!

И два нагих тела сплелись в объятии на кроваво-алом бархатном покрывале, брошенном прямо на деревянный помост, где художник устраивал своих натурщиков, чтобы ноги их не зябли на мраморном полу мастерской.

Насытившись друг другом, они лежали, глядя в высокий, тающий во мраке (уже вечерело) потолок, украшенный фресками, поблекшими от времени. Лежали, то обмениваясь усталыми, ленивыми поцелуями, то одновременно поворачивая головы к огромному полотну, установленному у стены на прочных держателях. Краски этого полотна были столь насыщены и живы, что спорить с их внутренним свечением

наступающей ночной тьме было бессмысленно. Эти краски озаряли и согревали тела любовников ярче и теплее пламени костра. Они же питали и поддерживали их неспешный разговор.

– Моя грудь...

– Твоя грудь?

– Моя грудь слишком роскошна на этой картине.

– Твоя грудь на этой картине даже совершеннее, чем в жизни!

– Ах так?!

Звук шутиливой пощечины.

– Мои глаза...

– Твои глаза?

– Знаю, что ты сейчас скажешь! Что мои глаза на картине даже обворожительнее, чем в жизни.

– О нет, это невозможно. Даже моя кисть не в силах передать красоты твоих очей, мое итальянское солнце!

Звук долгого, долгого поцелуя.

– И все же моя грудь... Ах нет, погоди, не тронь меня, я устала! Тебя станут упрекать за то, что ты бросил меня на мостовую в самой соблазнительной позе, да еще обнажив мою грудь.

– Что поделаешь... Эпоха требует нагого тела! Ты же знаешь, как развращена публика. Поверь, я бы с удовольствием обнажил у тебя что-нибудь еще, но это сочтут неприличным критики-ханжи. Освищут! А к груди не придерешься, пото-

му что на картине ты – мать, твоя грудь давала молоко младенцу... то есть я хочу сказать, грудь той красавицы-брюнетки, которую я бросил на мостовую в самой соблазнительной позе, давала молоко ее ребенку.

– О, этот ребенок слишком большой для того, чтобы быть грудным. Хотя я не слишком много понимаю в детях, но мне кажется, ему лет пять, не меньше! А скажи, почему грудных детей художники вообще не изображают? Даже младенец Христос на полотнах всегда чрезмерно велик для того, чтобы его кормила Мадонна.

– Ты охальница и богохульница!

Звонкий хохот.

– Да, ты прав, я такая.

Снова поцелуй, страстный шепот, вздохи и смех.

– Еще знаешь, в чем ошибка? Я, которая лежу на мостовой, выставив все свои прелести на всеобщее обозрение, и я, прикрывающая двух дочерей, – мы слишком близко. Пристрастный взгляд не может не обнаружить между нами сходство. И какой-нибудь твой недоброжелатель (ты же понимаешь, у тебя не только одни поклонники и поклонницы, но и завистников полно!) скажет: сколь убога фантазия у этого художника. Он пишет одно и то же женское лицо!

– О, какой ужас! Я весь дрожу! Как же я раньше не заметил, что изобразил тебя на этом полотне дважды... Нет, даже трижды! Конечно, разве я мог удержаться и не написать самое прекрасное, самое любимое лицо на свете? Посмотри

в левый угол моей картины. Видишь там рыжеволосого юношу, который несет ящик с кистями? Это художник. Рядом с ним девушка с кувшином, которая словно бы сама не знает, испугана она или нет. Это ты, моя бесстрашная возлюбленная, и красота твоя сияет, словно полдень, даже среди мрака и ужаса извержения Везувиева. Это мы с тобой, любовь моя. Это мы с тобой. Эта картина останется лучшим, величайшим нашим творением. Это памятник нашей любви. Отныне мы будем вместе всегда, навеки, нераздельно. Вспомнят меня – тотчас вспомнят и тебя. А если зайдет речь о твоих чудачествах и страстях, вспомнят, что я, твой художник, был предметом одной из них...

Дело происходило в Италии, в Риме, в мастерской модного художника Карла Брюллова. А женщиной, которая возлежала рядом с ним на красном бархате и со знанием дела оценивала достоинства и недостатки недавно завершеного полотна «Последний день Помпеи», содейвшего превеликое смятение в умах современников и, по словам одного из них, принесшего автору успех «единственный, какой когда-либо встречается в жизни художника», – этой женщиной была его любовница графиня Юлия Самойлова.

Нет, не просто любовница. Великая любовь его жизни. Лучшая из его натурщиц. Источник его вдохновения...

Брюллов не зря говорил о чудачествах и страстях. Он

хорошо знал свою прекрасную модель и ее нрав. Графиня Юлия Самойлова славилась своей чувственностью и обожала скандализовать общество. Склонность к этому она впитала, можно сказать, с молоком матери, ибо само происхождение Юлии было чрезвычайно скандальным.

Ей-богу, не каждому так везет с предками!

Двоюродным прадедом ее был князь Григорий Потемкин-Таврический (любовник императрицы Екатерины Великой), родная племянница которого, невероятная красавица Екатерина Васильевна Энгельгардт, вышла замуж за добродушного и безобидного, однако безумно скучного дипломата – графа Павла Скавронского, дальнего родственника некой Марты Скавронской, более известной как императрица Екатерина I Алексеевна. Скавронский обожал Италию, однако именно эта страна сгубила его семейное счастье. В Италии Екатерина Васильевна встретила мальтийского рыцаря, графа Джулио Литту. Он принадлежал к знатному роду Висконти Арези, которые исчисляли свое происхождение от миланского графского рода Висконти, связанного родственными узами с герцогами Сфорца.

Более чем громкие имена в истории Италии!

Граф Литта был не только знатен и богат, но и обворожительно красив. Его невероятные черные глаза зажгли такой пожар в сердце Екатерины Васильевны, что она едва не сгорела в огне этой страсти. Страсть, к счастью, была взаимной, однако существовало препятствие в виде законного супру-

га...

Время шло. Вздыхая по Литте, Екатерина Васильевна родила двух дочерей: Екатерину и Марию. Наконец граф Скаронский, величайший сибарит и чревоугодник, то ли переел pasta, то ли перепил терпкого итальянского вина – и очень удачно скончался. Екатерина немедленно вышла замуж за Литту, который явился в Петербург, был обласкан Павлом I и стал адмиралом русского флота. Увы, на сем поприще он не достиг ни одной вершины. Более того – был уволен от русской службы «впредь до востребования», что означало дипломатичное «навсегда». Зато он был первейшим сподвижником и даже вдохновителем Павла на внедрение в Россию идеалов братьев-госпитальеров, сиречь мальтийских рыцарей. Именно с его легкой руки вся императорская фамилия и весь двор оделись в ярко-красные супервесты¹ и малиновые мантии и принялись исполнять обряды иоаннитов, а император начал по-глупому ссориться со всем прочим миром, почему-то не стремившимся под знамена Мальтийского ордена. Завершить латинизацию и полную компрометацию державы Российской на мировом уровне Павлу помешал известный заговор 11 марта 1801 года, душою и мозгом которого стал граф Петр Алексеевич Пален, великий человек, фактически сосланный неблагоприятным наследником трона Александром в свое лифляндское имение и обреченный на забве-

¹ Супервест – особого рода одежда, составляющая принадлежность кавалерского звания некоторых орденов.

ние в русской истории. Именно за сына Палена, названного – ну не насмешка ли судьбы?! – Павлом, да еще и Петрови-чем по отчеству, и выдал позднее Литта свою младшую пад-черицу – Марию. Старшая, Екатерина, стала женой прослав-ленного полководца князя Петра Ивановича Багратиона, а спустя несколько лет соперничала за его любовь с великой княжной Екатериной Павловной, любимой сестрой импера-тора.

Более чем громкие имена в истории России!

Впрочем, сказать, что Литта «выдал» Марию за Павла Палена, – значит погрешить против истины. Павел Петро-вич, унаследовавший от отца склонность к авантюрам, одна-ко проявлявший эту склонность только на личном фронте, просто-напросто однажды похитил Марию Скавронскую, ко-торая вовсе не хотела выходить замуж за боевого генерала и разделять с ним бивачную жизнь. Однако после нескольких ночей, проведенных в одном доме с Павлом Петрови-чем, деваться ей было уже некуда – пришлось-таки идти с ним под венец, а затем уехать в дальний гарнизон. Там, чуть ли не в крестьянской избе, у Марии и Павла Паленов в 1803 году родилась дочь Юлия.

С первых и до последних дней жизни она поражала людей своей редкостной красотой того яркого типа, который среди художников непременно называется южным, итальянским. И очень справедливо! При взгляде на нее ни у кого и сомне-ний не могло возникнуть, что в ее жилах течет итальянская

кровь. И это при том, что Екатерина и Павел Скавронские были светлоглазы и светловолосы, да и весь род Паленов яркостью красок не блистал.

Спустя некоторое время после рождения дочери в доме Павла Петровича и Марии Павловны начались ужасные скандалы, дошедшие до того, что Мария сочла за благо растаться с мужем (не затевая, впрочем, скандального бракоразводного процесса) и отбыть за границу – учиться не то музыке, не то рисованию. Выяснить подробности никому не удалось, ибо Мария Павловна в Россию более не вернулась и с результатами учений своих никого не ознакомила.

Юлию, которая осталась форменной сиротинушкой (Павел Петрович ее жизнью и воспитанием интересоваться категорически перестал), сначала изумляло, почему растет она не при отце, а в доме деда. Юлий Помпеевич (так в России звался граф Джулио Литта) обожал девочку, названную, понятно, в его честь. Между нами говоря, позднее выяснилось, что был он ей не приемным дедом, а отцом... А если копнуть глубже, как пытались делать многие любители скандалов, то, может быть, оказалось бы, что и отцом, и дедом, ибо, по слухам, не столь уж безгрешно проводили свои редкие встречи в Италии страстно влюбленные друг в друга мальтийский рыцарь и Екатерина Скавронская.

Впрочем, это слухи, слухи, всего лишь слухи! Но таковых всегда несметно много клубится вокруг личностей столь ярких и блистательных, какой была юная графиня Юлия Па-

лен.

Ей едва исполнилось пятнадцать, как вдовствующая императрица Мария Федоровна взяла ее фрейлиной к своему двору. Как известно, в ту пору существовало при одном императоре Александре две императрицы и два двора: государыни Елизаветы Алексеевны и государыни Марии Федоровны, причем отношения между ними едва ли можно было назвать мирным сосуществованием. Мария Федоровна ненавидела всякое напоминание о Палене, однако дружба с оберкамергером и обер-церемониймейстером двора Литтой была для нее священна, поэтому она и приняла его внучку (или дочку? Или все-таки дочку и внучку разом?) в свой фрейлинский штат. Люди сведущие, впрочем, немедля начали шептать, что раздобрилась-де Мария Федоровна не столько из признательности Литте, сколько из-за того, что хотела подложить очередную свинью нелюбимой невестке, императрице Елизавете. Она и прежде-то не преминывала напако-стить, где могла, жене сына, а уж тут – как не постараться, коли Александр сам в приватной беседе намекнул, что желал бы видеть во дворце прекрасную Юлию, «маленькую Скавронскую», как ее называли при дворе, по возможности чаще.

Мария Федоровна, вообще-то великая блюстительница нравственности и страшная ханжа, вдосталь натерпевшаяся от связей мужа то с Нелидовой, то с Лопухиной, то с мадам Шевалье, незамедлительно согласилась потрафить новой склонности сына. Впрочем, ей и самой стало любопыт-

но, что ж это за Юлия такая?

С первой минуты Мария Федоровна, которая была далеко не дура (страдание учит и опыт дает, а страданий за жизнь свою она немало натерпелась), поняла, что Юлия внимания сына надолго не привлечет – слишком уж яркий цветок, собой всех затмит, даже и императора, – однако жизнь проживет пребурную! Совершенно так все и вышло. Роман вспыхнул – да и перегорел, как только наш Благословенный получил желаемое.

Александр не зря носил прозвище «русский Диоклетиан». Он прославился как монарх просвещенный, а при таких монархах всегда хорошим тоном было устраивать выгодные партии отставным фавориткам. В самом деле, мы же не иваны какие-нибудь грозные, чтобы гнать женщину из своей постели на плаху либо в монастырь! Позаботился о Юлии и Александр Павлович – опять же через любящую матушку.

Мария Федоровна с увлечением занялась своим любимым делом – сватовством. Юлии начали искать мужа.

Искали, искали, но что-то никак не находили. Император, конечно, мог бы топнуть на кого угодно, да ведь Юлия была переборчива. И топать на нее он не осмеливался.

Время шло. Сватовство затягивалось. Впрочем, время от времени Александр Павлович этому даже радовался и со свойственным ему подобием пыла возобновлял прежнюю связь. Раз или два Юлии даже пришлось обращаться к лекарям. Последствием этих обращений стало то, что детей у нее

больше быть не могло.

Впрочем, это ее не больно огорчало. Хотя вообще-то детей она любила и всех их жалела. А некоторым она даже станет оказывать в будущем покровительство и брать их на воспитание.

Наконец, в 1824 году император окончательно распростился с Юлией и сказал матушке, что судьбу «маленькой Скавронской» пора наконец устроить.

«Маленькой Скавронской» в ту пору исполнилось двадцать два года. Возраст если еще и не критический, то уже настораживающий... Как бы в девках не засидеться первой красавице Петербурга!

В числе старинных приятельниц императрицы Марии Федоровны была графиня Самойлова, дама умнейшая, хоть и капризная. Еще более капризен был ее сын Николай Александрович, флигель-адъютант, получивший среди приятелей общеизвестное прозвище Красавец Алкивиад² за свою воинскую доблесть и еще одно, менее афишируемое, – Мелок. Прозвали его так за необычайно светлые волосы, но гораздо более – за пристрастие к карточной игре, ведь мелком записывают игроки по зеленому ломберному сукну свои ставки и счета.

Правда, об этом пристрастии Алкивиادا были осведомлены лишь самые близкие его друзья-приятели (в частности, некто Сашка Пушкин), потому что, смертельно боясь

² Блистательный афинский стратег.

матушки, он носил маску человека, не отзывчивого к искушениям. Играл он все в долг да в долг... До поры Алкивиаду верили, однако вдруг р-раз – да и перестали. И необходимость оплатить проигрыши обожаемого сына обрушилась на графиню Самойлову с внезапностью и неотвратимостью того самого пламени небесного, который некогда пожрал Содом и Гоморру.

Иллюзии графини сгорели дотла, а заодно – ее тайная решимость никогда не расставаться с ненаглядным Николашею. Конечно, она была богата, однако не баснословно. И единственное, из-за чего графиня позволила бы любимому сыну *связаться с какой-нибудь женщиной*, были деньги... Причем очень большие деньги!

У Юлии Пален именно такие деньги имелись. И вот 25 января 1825 года два потомка князя Потемкина-Таврического (Алкивиад также приходился ему внучатым племянником) пошли под венец.

Всякая (за очень редким исключением!) любовь проходит в своем развитии два этапа – очарования и разочарования. Любовь Юлии и Николая Самойловых длилась одну ночь, вслед за чем пылкая красавица окончательно утвердилась в мысли, что с блондинами ей не везет. А потому она со вздохом огляделась вокруг – и заметила некоего господина Александра Мишковского. Это был управляющий, приятель и доверенное лицо ее супруга – весьма привлекательное лицо! Его освещали лукавые, вернее, жуликоватые темные

глаза, обрамленные чарующими ресницами, у лица имелись изящный нос и пухлогубый улыбчивый рот, а обрамлено это лицо было темно-русыми, почти черными кудрями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.